

Fabula septima

Память сердца
Ex libris

О вещая душа моя!
О, сердце, полное тревоги,
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..

Ф.И. Тютчев

В 1922 г. В.А. Фаворский выполнил для о. Павла Флоренского экслибрис, представляющий изображение облаченного в шлем и латы средневекового рыцаря, чья грудь (сердце) пробита стрелой. Деталь эта будет еще одним эпиграфом к предлагаемым наблюдениям.

Нижеследующие заметки – попытка прояснить ряд моментов довольно известного, но, как представляется, весьма сложного, странного и даже загадочного, текста, принадлежащего перу Флоренского, сопровождаемого эпиграфом из Вяч. Иванова и посвященного их общему другу: «Памяти Владимира Францевича Эрна» (26 V 1917)¹⁹⁴.

Флоренский предполагал включить текст в планировавшийся им для книгоиздательства «Путь» сборник «Памяти Эрна», он собирал для него материалы, однако замысел этот остался неосуществленным¹⁹⁵.

¹⁹⁴ Был зачитан по просьбе автора С.Н. Булгаковым 26 мая 1917 г. в Москве на заседании Религиозно-Философского Общества, посвященного памяти Эрна. Первая публикация: Христианская мысль. Киев, 1917. № 11/12. С. 69–74. Далее цитируется как «Памяти...» по изд.: *Флоренский П., свящ.* Сочинения. В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 346–351. Составители и комментаторы сообщают (С. 760), что имеется беловая рукопись, написанная под диктовку Флоренского о. Александром Гиацинтовым; на 1-й странице особо, после завершения диктовки, самим Флоренским вписан эпиграф из Вячеслава Иванова.

¹⁹⁵ Часть материалов сохранилась в архиве семьи Флоренских; вы-

В.Ф. Эрн (1882–1917) – один из самых заметных представителей русского религиозно-философского Ренессанса начала XX века – и как талантливый философ, историк, публицист, и как яркая личность. Человек глубокой и подлинной религиозности, больших и разнообразных дарований, цельная натура которого органически сочетала могучее волевое начало и вдохновенную созерцательность, Эрн остался в памяти многих его современников как «исповедник и витязь начала Логоса, мужеской солнечности» (С.Н. Булгаков), «рыцарь без страха и упрека» (С.Н. Дурылин), «истый крестonosец» (А.С. Глинка-Волжский), «мыслитель с темпераментом бойца» (Г.В. Флоровский)¹⁹⁶.

Странность и загадочность посвященного Эрну текста в том, что этот по жанру некролог очень напоминает *мистико-магическую новеллу*, с нетривиальным

ражаю искреннюю признательность о. Андронику Трубачеву за возможность работы с ними. О замысле сборника см.: *Голлербах Е.А.* К незримому граду: Религиозно-философская группа «Путь» (1910–1919) в поисках новой русской идентичности. СПб.: Алетейя, 2000. С. 191–192; см. наши публикации с подробными комментариями текста С.Н. Дурылина «Памяти В.Ф. Эрна» из архивных материалов к этому сборнику (*Марченко О.В.* Григорий Сковорода и русская философская мысль XIX–XX вв. Исследования и материалы. Часть I. М., 2007. С. 241–263) и текста Г.Н. Гехтмана (*Гехтман Г.Н.* В.Ф. Эрн (Впечатления бывшего учителя гимназии) / Публ., примеч. О.В. Марченко // *Omnia conjungo*. Сборник научных работ в честь 65-летия проф. В.В. Сербиненко. М.: РГГУ, 2015. С. 389–400).

¹⁹⁶ О жизни и философских взглядах В.Ф. Эрна см.: *Staglich D.* Vladimir F. Ern (1882–1917). Sein philosophisches und publizistisches Werk. Bonn, 1967; *Марченко О.В.* Очерки по истории философии. М., 2002. С. 158–230; богатый материал собран в 1064-страничном томе: В.Ф. Эрн: pro et contra. СПб.: РХГА, 2006.

сюжетом, сложной организацией повествования, многослойностью художественного времени¹⁹⁷, глубокой «гнездовой» символикой. Подобного рода жанровые смещения не новость для Флоренского, мыслителя смелого, смуглого, который главы своей богословской диссертации – украшенный барочными эмблемами трактат в письмах – начинает взволнованно-лирическими обращениями, памятными всем, кто читал «Столп и утверждение Истины» (1914): «Мой кроткий, мой ясный! Холодом, грустью и одиночеством дохнула на меня наша сводчатая комната, когда я в первый раз после поездки открыл дверь в нее. Теперь, – увы! – , я вошел в нее уже один, без тебя». «Помнишь ли ты, тихий, наши долгие прогулки по лесу – по лесу умирающего августа. <...> Помнишь ли ты, далекий и вечно-близкий Друг, наши проникновенные беседы? Дух Святой и религиозные антиномии, – вот что, кажется, интересовало нас более всего» и т.п.¹⁹⁸

Текст «Памяти...», кроме того, сложен и в другом отношении: в нем соприсутствуют, просвечиваясь друг в друге и взаимоотражаясь, несколько эмоцио-

¹⁹⁷ О понимании Флоренским времени как сопряжению разрывностей шла речь в нашем выступлении «Тема новоевропейского “рационализма” у Павла Флоренского и Владимира Эрна» на международной конференции «Павел Флоренский и Европа» в Бордо 12–14 ноября 2009 г.: Oleg Martchenko. Le thème du “rationalism” de la Nouvelle Europe chez Pavel Florenski et Vladimir Èrn: quelques aspects // Pavel Florensky et l’Europe. Sous la direction de Florence Corrado-Kazanski. MSHA, Bordeaux, 2013. P. 47–60.

¹⁹⁸ *Флоренский П.А.* Т. 1. Столп и утверждение Истины (I). М.: Правда, 1990. С. 9, 109. Своего рода архаико-авангардная диалектика, понимаемая не как *coincidentia oppositorum*, но как сочетание несочетаемого: принцип (нео)барокко.

нальных состояний и концептуально-тематических пластов. Воспоминания о почившем друге, общем детстве в Закавказье, об одном из последних приездов в Сергиев Посад Эрна, только что закончившего первую часть своей работы о Платоне¹⁹⁹, совмещаются с беседой с ним как с присутствующим («... Милый друг, <...> я расскажу тебе об одном новом впечатлении в связи с твоим отходом отсюда...»). Искреннее

¹⁹⁹ Последняя большая, прерванная смертью, работа Эрна «Верховное постижение Платона. Введение в изучение Платоновых творений», посвященная памяти кн. С.Н. Трубецкого (впервые: Вопросы философии и психологии. 1917. Кн. 137–138 (II–III). С. 102–173; совр. изд.: Эрн В.Ф. Сочинения. М.: Правда, 1991. С. 463–532). Прочитывая *гносеологически* знаменитое начало VII книги «Государства» («В мифе о “пещере” мы имеем сокращенную транскрипцию всего платонизма»), Эрн дает здесь тонкий анализ диалога «Федр», обнаруживая в нем «запись» исходной интуиции Платона, солнечного постижения. «Со стороны формальной мысль, развиваемая тобою, – общая нам обоим мысль, неоднократно обсуждавшаяся нами, – а именно, что философские воззрения Платона суть диалектическая проработка его биографически-личного мистического опыта, – пишет Флоренский. – Но если так, рассуждал ты, то и характер всей мысли Платона определяется каким-то исходным опытом, впервые введшим Платона в Царство вечного бытия и в зачатке содержащим всю систему мысли Платона. <...> Эту первичную запись платоновского посвящения и, следовательно, первичное изложение платоновской мысли в ее целом ты нашел в “Федре”, в том, что ты назвал “солнечным посвящением Платона”. По твоему убеждению, именно в той самой конкретной обстановке, которая изображена с протокольной точностью в диалоге “Федр”, Платон пережил там же изображенное экстатическое состояние от ослепительных лучей полуденного солнца Аттики, среди раскаленных скал и выжженных полей. В этом экстазе, или “солнечном восхищении”, ἀρταυμός ἥλιακος, Платон воспринял светоносно солнечную природу горного мира. Так был открыт платонизм» (Памяти... С. 349).

переживание горя от потери близкого человека сочетается с продолжением философской полемики, в которой явственны остаточные следы раздраженности и т.д. Полемика друзей – представителей христианского платонизма в русской мысли – носила принципиальный характер и была вызвана односторонним, слишком биографическим, по мнению Флоренского, пониманием Эрном основной интуиции Платона, исключительно солнечной, аполлонической: «Все, что говорил ты в пути, значительно и важно и для Платона, и для тебя самого, ибо твое исследование о Платоне, несмотря на замкнуто-объективный характер изложения, было явно автобиографично и явно опиралось на лично пережитое. То же, чего ты не договаривал о Платоне, еще более характерно для тебя. Ты не видел ночной стороны платонизма, ты отрицал его дионисийство; и я тогда много спорил с тобою насчет этого, имея в виду Платона»²⁰⁰.

Некролог как новелла *мистическая*, потому что в ней рассказано о содержании транса, некоего «сна» наяву, который переживает Флоренский 29 апреля 1917 года (дата смерти Эрна), во время всеобщей.

«Запели стихиры на “Господи, воззвах”, и тут напало на меня странное состояние, внешне как будто оцепенение, что ли, и временное забвение всего, что было кругом. Сколько длилось это оцепенение, я не знаю – вероятно, не долго, потому что до окончания стихир я уже пришел в себя и заметил, что мои глаза мокры от слез. Внутренне оно было и полно содержания и как бы длительным. Мне представился ряд ярких, почти

²⁰⁰ Там же.

как сновидческие образы, быстро проносящихся виде-ний, воспоминаний нашего с тобою знакомства, наши прогулки, наши разговоры, все наше общение»²⁰¹.

Стоит напомнить, что Флоренский понимал сон как то, что греки называли *ουειρος*, т. е. внушение свыше, явление в дольном мира горнего, тогда как для современного человека сон есть нехитро зашифрованное выражение скудной речи бессознательного²⁰². Вопрос о сне специально рассматривается в работе Флоренского «Иконостас» (1918–1922), которая начинается той же констатацией, что и «Столп»: двоимирие, деление всего сотворенного надвое, на мир видимого и мир невидимого, причем эти миры соприкасаются²⁰³. «Мне представилась, словом, вся твоя жизнь, насколько я знал ее, последовательная и вместе – в едином созерцании»²⁰⁴.

Но в повествовании присутствует и сон Эрна, вернее, два, а еще точнее – один и тот же, который Эрн видит

²⁰¹ Памяти... С. 347.

²⁰² Впрочем, философы всегда больше интересовались бодрствующей душой, работой сознания. Интерес к теме сна и сновидения связан с кардинальными изменениями в культуре, символическое выражение которых можно видеть в надписи на камне в сквере Фрейда в центре Вены, напротив так называемого Народного собора: «Голос разума негромок».

²⁰³ «С о н – вот первая и простейшая, т. е. в смысле нашей полной привычки к нему, ступень жизни в невидимом. Пусть это ступень есть низшая, по крайней мере чаще всего бывает низшей; но и сон, даже в диком своем состоянии, невоспитанный сон, – возторгает душу в невидимое и дает даже самым нечутким из нас предощущение, что ёсть и иное, кроме того, что мы склонны считать единственно жизнью» (Флоренский П., *свящ.* Сочинения. В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 419).

²⁰⁴ Памяти... С. 347.

дважды, первый раз – в 1900 г., второй – в 1917, незадолго до смерти; мы еще обратимся к его содержанию.

Некролог как новелла *магическая*, потому что Флоренский *как бы* «разрешает» уход Эрна, «отпускает» его. «...Я слышу тебя говорящим: “Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое”. А если готово, то я не могу и не должен удерживать тебя от воспарения к иным светам, предварениями которых готовился ты к последнему восхищению»²⁰⁵.

Вячеслав Иванов, о. Павел Флоренский и Владимир Эрн, имена которых присутствуют в названии этих заметок, в жизни были тесно соединены как дружескими связями, так и отношениями творческими. Флоренского и Эрна связывает дружба с детских лет, но и в философской работе они ближайшие единомышленники и сотрудники:

«Ведь мы с тобой учились вместе со второго класса гимназии, часто бывали друг у друга, прожили в одной комнате университетские годы и в дальнейшем часто виделись и гостили один у другого; вместе увлекались мы многим, самым дорогим для нас, вместе воспламенялись теми мечтами, из которых потом выкристаллизовались наши позднейшие жизненные убеждения; вероятно, немного есть мыслей, которые не прошли чрез совместное обсуждение. Наша общая жизнь была насыщена и философскими интересами, и горячим чувством близости; мы прожили нашу дружбу не вяло, – и восторгаясь и ссорясь порою от перенапряжения юношеских мыслей. Мы вместе бродили по лесам и по скалам преимущественно, вместе

²⁰⁵ Памяти... С. 351. Цитируется Псалтирь 107:2.

читали Платона на горных прогалинах и на разогретых солнцем каменных уступах. <...> И мы взаимно наблюдали, часто не говоря о том, ломки, тайные надломы в недрах души друг друга, и оба скорбели, в бессилии помочь, и оба уповали на иные силы помощи, из Вечности»²⁰⁶.

Но если Эрн и Флоренский друзья-одногодки, то о дружбе Вяч. Иванова и Эрна нужно говорить особо, все же Иванов был старше друзей-тифлисцев на 16 лет. В конце 1904 – начале 1905 г. Эрн гостил у Вяч. Иванова в Швейцарии, в начале 10-х гг. они интенсивно общались в Риме, последние годы Эрн с семьей даже жил в московской квартире Иванова на Зубовском бульваре (где и умер). Следует говорить о плодотворном взаимовлиянии этих столь различных по возрасту и «лику» мыслителей, «протеистичного» Иванова и цельного, «монолитного» Эрна. Возможно, ярче всего отношения Эрна и Вяч. Иванова отражены в материале, озаглавленном «Памяти Вл. Ф. Эрна», присланном Ивановым Флоренскому из Сочи 12 июля: «Посылаю Вам, дорогой друг, глубокочтимый отец Павел, свою страничку в столь счастливо задуманный Вами первый сборник памяти нашего почившего Друга»²⁰⁷. Приведем эту страничку полностью, она должна была быть первой в задуманном сборнике памяти философа (в левом верхнем углу проставлен № 1)²⁰⁸.

²⁰⁶ Памяти... С. 346–347.

²⁰⁷ Переписка Вячеслава Иванова со священником Павлом Флоренским // Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования. М.: Русские словари, 1999. С. 114.

²⁰⁸ Публикуется по рукописному автографу, сохранившемуся в архиве семьи Флоренских, в папке 15 «М[атериал]-лы о В.Ф. Эрн»

Памяти Вл. Ф. Эрна

I .

Блаженный Брат! Ты чистым оком зреть
В представшей вновь паломнику Отчизне
Достоин все, что помнил в этой жизни, –
Огнем безгневным в Царстве Слав гореть.

Оратай был до жатвы умереть
Любовию предъизбран. Укоризне
Не вырваться из уст на светлой тризне!..
Там, где “мы вместе были”, – друга встретить!

Пусть малый дар нам, нищим, был отмерен
Из всех богатств, что в путь ты взял с собой,
Куда твой взор стремился голубой:

И в неземном Земле ты будешь верен;
И, Вышней Афродиты видя Лик,
Вспомянешь колос, что в пыли поник.

Сочи, май 1917

II .

Предупеждение. – Нижеследующее стихотворение было мною написано, когда я жил вместе с другом Эрном, и ему первому прочтено, ибо втайне

не». А.Б. Шишкин в примечаниях к переписке Вячеслава Иванова с Флоренским опубликовал черновик этой страницы: указ. изд. С. 114–115.

оно было посвящено ему. Сладость и свет духовного с ним общения – таков был личный смысл и сокровенный замысел этих строк. Какое-то целомудренное чувство воспретило мне признаться, что я говорю о нем; быть может, он молчаливо угадал это сам. Впоследствии это стихотворение было введено мною во второй цикл моей (неизданной) лирической трилогии “Человек”. – Итак, я приношу эти строки в дань памяти почившего друга потому, что они к нему обращены и им внушены. Пусть будут они, в ряду заветных воспоминаний, сплетшихся в надгробный венок, возлагаемый дружбою на его свежую могилу, свидетельством одного из друзей о внутреннем опыте очищения, которое бывало даром его близости. Нередко, взглянув на него, сидящего молча, я должен был с немалым усилием скрывать внезапное трепетное умиление, готовое излиться в счастливых слезах: мнилось, из его глаз глядели глаза другие, Образ и Подobie Божии в нем сквозили из-за внешних черт несказанным светом. В глубине моей любви к молодому другу, пленявшему меня величием духа, голубиною чистотою души и орлиною зоркостью вперенных в Солнце высоких дум, таилось благоговение к нему, как носителю иного, нового Имени. –

Свершается церковь, когда
Друг другу в глаза мы глядим
И светится внутренний день
Из наших немеющих глаз.
Семью ли лучами звезда,
Очами ль сверкнул серафим, –
Но тает срединная тень,
И в сердце сияет алмаз.

Начертано Имя на нем:
Друг в друге читаем сей знак;
Взаимное шепчем Аминь,
И Третий объемлет двоих.
Двоих знаменует огнем:
Смутясь, отступаем во мрак...
Как дух многозвезден и синь!
Как мир полнозвучен и тих!..

Вячеслав Иванов.

Во втором стихотворении (хронологически более раннем)²⁰⁹ присутствует тема сердца, тема дружбы-филии, проблематика Другого, – все то, что так знакомо по ключевым работам Иванова. Как отмечает А.Б. Шишкин, стихотворение «Свершается церковь...» в рукописном автографе из Римского архива Вяч. Иванова имеет название *φιλία*. Значение этого греческого слова рассматривает в «Столпе...», в главе-письме «Дружба», Флоренский (которому, в ответ на посвящение ему статьи Флоренского «Не восхищение непщева», Иванов в послании от 7 октября 1915 г. писал: «Сладостны мне, лестны и любезны эти знаки связующей нас, как я уповаю, *филии*»)²¹⁰. В первом же (посмерт-

²⁰⁹ См.: *Иванов В.* Собрание сочинений. В 4 тт. Т. 3. Брюссель, 1987. С. 215–216, с некоторыми разночтениями.

²¹⁰ Переписка Вячеслава Иванова со священником Павлом Флоренским // *Вячеслав Иванов.* Архивные материалы и исследования. М.: Русские словари, 1999. С. 108. См. замечательную работу, где много внимания уделено Эрну: *Обатнин Г.В.* «*Φιλία*» Вяч. Иванова как ракурс к биографии // *Donum homini universali.* Сборник статей в честь 70-летия Н.В. Котрелева. М.: ОГИ, 2011. С. 214–247.

ном) стихотворении²¹¹ (и в *предуведомлении*) обращает на себя внимание прежде всего насыщенность *платонической* образностью и символикой света и Солнца: чистым (освобожденным от бременной телесности) оком друг и брат, вернувшись в небесную Отчизну, где души наши («мы вместе были») предсуществовали до рождения-воплощения-ниспадения в земной мир, созерцает мир божественных эйдосов-смыслов, который он и в земной жизни, ведомый Афродитой Уранией, *помнил* (αναμνησις), видел «орлиною зоркостью вперенных в Солнце высоких дум»...²¹²

Выскажу предположение, что эпитафия из Вяч. Иванова к тексту Флоренского появился после получения этого июльского письма. Эпитафия этот – «Солнце-Сердце»²¹³.

Понятно, почему и в посвященной Эрну страничке Вяч. Иванова (прежде всего в посмертном стихотворении «Блаженный Брат!...»), и тексте Флоренского («Мы вместе <...> читали Платона на горных прога-

²¹¹ Текст стихотворения опубликован в изд: *Иванов В. Собрание сочинений*. В 4 т. Т. 4. Брюссель, 1987. С. 63 (тетрадь С из Римского архива), с некоторыми разночтениями.

²¹² Фамилия Эрн – шведского происхождения и означает «орел». Тема верности матери-Земле и тема живой Природы – чрезвычайно важна и для Иванова, и для Эрна, но здесь мы не можем ее обсуждать.

²¹³ Это название 1-го раздела из книги стихотворений Вяч. Иванова *Cor ardens* (Пламенеющее сердце) (2 тома, 1911). Напомню, что книга 5-я *Cor Ardens, Rosarium*, «Газзлы», имеет посвящение: «Владимиру Францевичу Эрну эти сны об Афродите Небесной посвящаю с любовью» (*Иванов В. Собрание сочинений*. В 4 т. Т. 2. Брюссель, 1974. С. 451). (18 газзл). Любопытно, что в разделе «Солнце-Сердце» третье стихотворение «Солнце» – это газзла (С. 231–232).

линах и на разогретых солнцем каменных уступах») сразу же вводится тема Платона и Солнца, солнечного постижения: именем Платона начинался творческий путь Эрн²¹⁴, темой этой, обещающей *новую жизнь*, был заполнен последний его год²¹⁵. В последнее лето Эрн и Вяч. Иванов посещают Красную Поляну (горное место недалеко от Сочи), именно там Эрн переживает *свое* «солнечное постижение», которое становится ключом его интерпретации учения Платона²¹⁶.

²¹⁴ «Когда я вкратце познакомил своих учеников с философией Платона (в связи с умственным движением в Афинах послесоократовского времени), В.Ф. Эрн в классе же поставил мне вопрос: “не есть ли учение Платона об идеях основа всех последующих философских систем?” Этот вопрос, а равно и ряд других, несомненно свидетельствовал, что Эрн начитан и знает много больше, чем хороший ученик 8-го класса тогдашней русской гимназии» (*Гехтман Г.Н.* В.Ф. Эрн (Впечатления бывшего учителя гимназии) // Архив семьи Флоренских; из материалов для сборника памяти Эрн, под № 2. С. 4).

²¹⁵ «Ты говорил, что считаешь себя ничего до сих пор не написавшим и что это первая работа твоя, которая почти адекватно выражает твою мысль и которую ты признаешь за удавшуюся тебе. Ты считал, что до сих пор ты не существуешь как писатель и лишь этой работой вступаешь на писательское поприще» (Памяти... С. 348). К этому времени Эрн был автором четырех больших книг, нескольких брошюр, более сотни статей.

²¹⁶ Византинист Ю.А. Кулаковский в письме В.С. Иконникову от 21 июля 1916 г. из Красной Поляны оставил любопытное свидетельство: «Хоть я ехал сюда на одиночество (и этого вовсе не боялся), но вышло, что имею сожителя – поэта Вячеслава Иванова. Это весьма интересный человек, с которым наши беседы за утреним и вечерним чаем имеют чрезвычайно широкий и очень разнообразный диапазон. Он учёный классик, и к нему приложима кличка, которую дал некогда Роде начинавшему свою литературную карьеру Ницше, – *der DiesuBiche Vogel* («сладкопевец»). Он теперь переводит метрами подлинника трагедии Эсхила для се-

Флоренский рассказывает об этом так:

«...Ты мне несколько раз говорил по приезде из Красной Поляны, а кажется – и писал оттуда, что лето 1916 г. – последнее твое лето, – открыло тебе Платона, ибо ты нашел его первичную интуицию. А открыл, ибо сам пережил нечто подобное. <...> Ведь ты помнишь тот опыт, который открыл тебе понимание Платона: в июле 1916 года, кажется, 25-го числа, т.е. как раз “на макушке лета”, по народному выражению, на Анну-зимоуказницу, ты поднимался из Красной Поляны на вершину Ачишхо. Снежные твердыни, залитые потоками всепобедного солнца, которое в горах, и в особенности на этот раз, сияло как-то исступленно, вызвали в тебе солнечное восхищение, как сам поведал ты»²¹⁷.

Если Вяч. Иванов в посвященных Эрну материалах акцентирует прежде всего то, что единило их, столь различных по возрасту, характеру дара, темпераменту и т. п., то интенция текста Флоренского явно иная. Говоря о человеке, с которым на протяжении почти всей его краткой жизни был связан «горячим чувством близости», Флоренский старается выявить и прояснить различие в понимании важнейшей, коренной для обоих, философской темы.

рии Сабашникова. Здесь же и его молодой друг, философ [В.Ф.] Эрн, прошумевший своей речью “От Канта к Круппу”, человек образованный и убеждённый православный христианин. Он что-то пишет теперь о Платоне (Фэдр). Таким образом, я живу здесь в очень интересном обществе. Жёны обоих очень милые дамы» (Цит. по: *Лучков А.А.* Юлиан Кулаковский и его время. Из истории антиковедения и византистики в России. Изд. 2-е, перераб. и доп. СПб.: Алетейя, 2004. С. 260).

²¹⁷ Памяти... С. 348, 350.

«Автобиографическая сторона твоей работы в односторонне-солнечном истолковании Платона болезненно задела меня, и, может быть, по преимуществу педагогически я тогда спорил с тобою, желая отвлечь тебя несколько в сторону. Нельзя жить с сердцем, пронзенным одною только солнечною; там, где нет творческого мрака пещерных посвящений, Солнце-Аполлон сжигает и губит, переходя в Молоха. И как ты не мог понять, что солнечное восхищение, тобою описанное, уже есть, в своей односторонности, нарушение мистического равновесия, уже есть солнечная смерть»²¹⁸.

Различие, за которым стоит уже не логика и не работа сознания, а то, что глубже логики, то, что определяет сознание в его эвристичной направленности и логику в ее продуктивном развертывании. «Я помню, что формально ты соглашался со мною, но мои слова не доходили до твоего сознания...»²¹⁹. Различие, которое уходит в самую глубокую *глубину*, которое коренится в самом средоточии духовной организации человека, в самой его сердцевине, *сердце*.

Напомним, что часть 2-я «Столпа», «Разъяснение и доказательство некоторых частных, в тексте предполагавшихся уже доказанными» – это своего рода экскурсы по ряду проблем; один из них, а именно XXI, – «Сердце и его значение в духовной жизни человека, по учению Слова Божия. (Из статьи П.Д. Юркевича) (к стр. 267)». Здесь находим следующие принципиальные для Флоренского характеристики: «Сердце есть средоточие душевной и духовной жиз-

²¹⁸ Там же. С. 349–350.

²¹⁹ Там же. С. 350.

ни человека. В сердце зачинается и рождается решимость человека на такие или другие поступки, в нем возникают многообразные преднамерения и желания; оно есть седалище воли и ее хотений». «Сердце есть седалище всех познавательных действий души». «И как мышление есть разговор души с собою, то размышляющий ведет этот внутренний разговор в сердце своем...» «Наконец, сердце есть средоточие нравственной жизни человека»²²⁰.

А в части 1-й, основной, в главе-письме девятом «Тварь» в контексте темы отрешения от субъективности и необходимости жизни объективным, Флоренский говорит самое главное о сердце: «Сердце – не аллегория, а тавтология»²²¹. Что это такое? Вспоминается, прежде всего, категория и аллегория. Однако сердце – не категория. Категории – фундаментальные понятия, формы мысли, способы суждения о сущем. Здесь не важно, в аристотелевском ли онтологическом смысле, или в кантовском, как форма логической мыслимости объекта вообще, сердце – не способ суждения, не форма высказывания. Отчего не аллегория? Аллегория – это иносказание, условная форма высказывания,

²²⁰ Флоренский П.А. Т. 1. Столп и утверждение Истины (II). М.: Правда, 1990. С. 535, 536, 537. В проспекте предполагаемого издания сочинений Юркевича 1919 г., в аннотации «Сердца и его значения в духовной жизни человека», которую подготовил, похоже, А.Ф. Лосев, дана замечательная характеристика: «Корень структуры человеческой психики обнаруживается в сердце как средоточии эмоционально-цельного потока сознания; характеристика «я» близко напоминает Бергсона или «Stream of Thought» Джемса» (См. примечания в изд.: Юркевич П.Д. Философские произведения. М.: Правда, 1990. С. 642).

²²¹ Там же. С. 268.

при которой наглядный образ означает нечто «иное», чем есть он сам, его содержание остаётся для него внешним: сердце – не аллегория.

Тавтегория – отсылка к любимому поколением русских мыслителей Шеллингу²²², именно он во введении в курс философии мифологии говорит: «...Мифология сразу же возникает *как таковая* и не с каким иным смыслом, но с тем, какой она высказывает. <...> Все в ней надо понимать так, как это высказывается, а не так, как если бы тут думали одно, а говорили другое. Мифология не *аллегорична*, она *тавтегорична*. Боги для нее – действительно существующие существа, которые не что-то одно *суть*, а другое *значат*, но *только лишь* то значат, что они *суть*»²²³.

То есть сердце-тавтегория у Флоренского – это сама реальность, само концентрированное выражение глубинного содержания сущего, это сверх-символ, в котором явлено символизируемое, не иносказание, но осуществление, свершение самой реальной реальности человека.

Но если «философские воззрения <...> суть диалектическая проработка биографически-личного мистического опыта», то каков изначальный, глубинный, опыт Эрна? И как он соотносится с *памятью сердца* его скорбящего друга? Изначальный биографически-личный мистический опыт Эрна проясняется для Флоренского в состоянии транса, «ощепенения» на всеобщей (когда он еще не знает о кончине друга):

²²² Понятие впервые ввел, кажется, С.Т. Кольридж в работе о самофракийских божествах Шеллинга, подсказывает Юрий Вестель.

²²³ Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1989. С. 324–325.

«...В содержательности многообразной картины твоей жизни мне чувствовалась одна первичная интуиция. Все вспомнившееся о тебе относилось к солнечным дням, к жаркому времени Закавказья, в особенности к знойному и ослепительному лету. Твой образ рисовался моему воображению, если это было только воображение, в воздушной перспективе прозрачно-голубого горного воздуха, в ослепительном, как только на горах бывает ослепительно, знойном солнце. Я не помню, вспоминался ли ты мне в комнате или среди зимней природы, но если это и было, то не задело сознания: все яркое, запечатлевшееся было пронзено лучами солнца. Вихрем неслись воспоминания и ещё более быстрым вихрем растворенные с образами мысли. Словно что-то искалось. Но как только было сказано это слово “пронзено солнечным лучом” – мысль нашла себя»²²⁴.

И потому так значимо для Флоренского содержание сна, виденного Эрном дважды, – сна, где присутствует потрясающая версия старого как мир символа: сердце, пронзенное стрелой.

«...А между тем ты знал гибельность солнечного воспарения, знал на опыте и как-то не считался с ним. <...> И уже после, когда впечатление ослабло, – осенью, ты рассказывал об этом созерцании как об “ужасном”, “потому что, – говорил ты, – невозможно видеть такую красоту и не умереть”. И этот круг твоих мыслей, вращаясь в тебе полусознательно, облекся в взволновавший тебя сон, виденный за некоторое время до смерти. Ты видел себя держащим в левой ру-

²²⁴ Памяти... С. 348.

ке свое сердце, которое надо было тебе пронзить чем-то острым, что было у тебя в правой, – пронзить как-то необычайно осторожно, ибо от успеха этого все зависело. Это острое, думается мне, была стрела Аполлона. И, как бы перекликаясь с твоим солнечным восхищением на Ачишхо, отвечает ему твой сон, виденный ровно 16 лет тому назад в Тифлисе 25-го же июля»²²⁵.

Остроту темы выявления, осознания и различения Флоренским биографически-личного мистического опыта друзей-философов можно ощутить ярче, если припомнить некоторые события их жизни в последний эрновский год. Обретя летом 1916 г. в Красной Поляне «солнечное восхищение» и работая над «Верховным постижением Платона», Эрн, как мы знаем, время от времени навещает Флоренского в Сергиевом Посаде и делится с ним своими впечатлениями и размышлениями. Эти последние встречи и беседы друзей оказываются в известном смысле инспирацией, поскольку Флоренский в то время набрасывает первые страницы своих поразительных по силе и отчетливости интроспекции «Воспоминаний прош-

²²⁵ Памяти... С. 350. Говоря о тифлисском сне, Флоренский приводит выдержку из дневника Эрна. Сон этот произвел на самого Эрна сильное впечатление, о чем говорит и Е.Я. Архиппов, вспоминая московские студенческие годы: «Тогда же, в этот период подготовки к экзаменам Вл. Фр-ч рассказал мне о своём апокалипсически-страшном видении, которое он видел в год окончания гимназии (лето 1900 года). Копьём, которое держал правой рукой, он вот-вот готов был пронзить *своё сердце*, лежавшее в левой руке. Он не комментировал тогда своего видения, а я оценил в нём какую-то жутко-привлекательную поэтическую сторону» (*Архиппов Е.Я.* Памяти Владимира Эрна // Архив семьи Флоренских. Из материалов для сборника памяти Эрна. Под № 3. Тетрадь II. С. 22–23).

лых дней» («Детям моим»). После нескольких страниц о своих родителях и семье, Флоренский сразу же переходит к изложению самого главного, стремясь зафиксировать изначальное, глубинное. «А т[ак] к[ак] первые детские впечатления определяют дальнейшую внутреннюю жизнь, то я попытаюсь записать возможно точнее все, что я могу припомнить из впечатлений того времени»²²⁶.

Одно из самых ярких впечатлений раннего детства – *прогулки с папой* по летнему Тифлису (запись 1916. XI. 23). И сразу же обнаруживается нечто уже знакомое:

«Жгучее тифлисское солнце, дышащий в лицо жар от накаленных скал, стен и мостовой, душный воздух и тяжелые, словно злые, лучи, придавливающие долу своею тяжестью спину и голову, словно прижимающие к мостовой пыль, врезались в мое сознание, и с тех пор во мне живет чувство враждебности Солнца-Молоха, полуденного тифлисского солнца, готового пожрать все живое. В этих прогулках мне открылась еще таинственная и уже определенно враждебная сила природы»²²⁷.

Но еще раньше, чем припоминание «враждебного и злого Солнца-Губителя»²²⁸, практически первой, а значит, фиксирующей нечто еще более важное и коренное, идет запись Флоренского от 1916. XI. 18: описание того, что однажды в сумерках потрясло его, двухгодовалого, что привело его в ужас. «Со мною сде-

²²⁶ Флоренский Павел, священник. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. Генеалогические исследования. Из соловецких писем. Завещание. М.: Московский рабочий, 1992. С. 31.

²²⁷ Там же. С. 36.

²²⁸ Там же.

лалось что-то вроде нервного припадка»: точильщик точил ножи, вертелось-кружилось, издавая специфический звук, колесо, и от него сыпались яркие искры...

«...Я остолбенел и пораженный ужасом, и захваченный дерзновенным любопытством, зная, что не должно мне видеть и слышать видимого и слышимого. Но мне открывалась живая действенность таинственных сил естества, бемовская первооснова, гётевские матери. <...> Не знаю, сколько времени длилось это откровение и столбняк. Секунду ли, несколько ли секунд; но, конечно, очень недолго. И только прошел упоительный и страшный миг **слияния** с этим огненным первоявлением природы, только явилось сознание себя, как панический ужас охватил меня. И вот характерная подробность: никогда мне не изменявшее самообладание в минуту **последнего ужаса** появилось у меня и тогда, и это первое из памятуемых мною таинственных потрясений души». <...> Это чувство откровения тайн природы и ужаса, с ним связанного, тютчевской Бездны и влечения к ней было и есть, как мне думается, одна из наиболее внутренних складок моей душевной жизни. Вглядываясь в себя еще пристальнее, я нахожу еще нечто, чему я научился от этого нашего обитания в двух квартирах, сообщающихся двором. Это именно твердое, органическое убеждение в **мистическом** “есть” при противоречии ему эмпирического “кажется”»²²⁹.

Вот где коренится и *ночная сторона* платонизма у Флоренского, и сердце не категория, не аллегория, но *тавтегория*. И здесь же укоренено осознание того,

²²⁹ Флоренский Павел, священник. Детям моим... М.: Московский рабочий, 1992. С. 32, 33.

что именно открылось Флоренскому в его странном оцепенении во время всеобщей 29-го апреля 1917 г.:

«Переживая твою жизнь в кратчайший срок, я почувствовал, что вся она была путем к радостно-восторженному пронзению своего сердца солнечным лучом, и плакал я не о тебе, а о нас, в тебе нуждающихся. <...> На этом внутреннем решении прервался поток моих образов и мыслей, но вместе с тем возникла полная уверенность, что эти минуты были вызваны во мне тобою, уже не дождавшимся моего решения. Вернувшись домой после службы и некоторых дел, я прочел полученную в моё отсутствие телеграмму, поданную 29-го в 5 часов 23 минуты: “Эрн умер”»²³⁰.

*И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами –
Вот отчего нам ночь страшна!*

²³⁰ Памяти... С. 351.